

442. Б.Лятошинський — Р.Глієру

23 грудня, 1951 р., Київ

23.XII.51

Дорогой Рейнгольд Морицевич!

Очень благодарен Вам за Ваши письма от 11-го и 18 декабря.

Глубоко возмущает меня все то, что происходит сейчас с Вашим «Тарасом»! Форменное безобразие! Вместо того, чтобы сейчас же начать работу над ним и уже в процессе работы, если понадобится, сделать в нем те или другие изменения, Вам морочат голову, устраивают одно за другим разные прослушивания, предъявляют Вам всяческие требования, а по-настоящему и окончательно в план еще не включают И что это за нелепые требования ослабить музыку польского элемента! Хотелось бы спросить, почему до сих пор идет полностью польский акт в «Иване Сусанине»¹? Ведь трудно более парадно показать врагов, чем это сделал Глинка. Скажут, что Глинке это можно, — он-де классик, а Вам нельзя. Однако же в увертюре Чайковского «1812 год» изгнали царский гимн и заменили его «Славься»². Отчего же не снимут польского акта в «Сусанине»? А Вам предъявляют нелепые требования, снимают полонез, мазурку и т[ому] п[одобное]! Возмутительно. Уже никак не ожидал я, что такая некрасивая волокита может иметь место в отношении Вашего балета.

Мне все-таки неясно (а, верно, и Вам это также еще неясно), как обстоит дело с постановкой «Т[араса] Б[ульбы]» в Ленинграде?

Итак, Вы купили там Бехштейн. Рад, что у Вас теперь будет стоять два рояля, и уверен, что это Вы неспроста делали, дорогой Рейнгольд Морицевич. Верно, будете писать ф[орте]п[ианный] концерт? Признайтесь, что такая мысль у Вас есть, хотя знаю, что у Вас как будто раньше были планы написать Концерт для скрипки³? Так или иначе, а очень хорошо, что у Вас будет теперь стоять два инструмента.

Что у меня? Что я вообще могу обо всем этом сказать? Я глубоко возмущен всем, что сделали с моей III симфонией и со мной. Это, конечно, страшная несправедливость. Я уже писал, верно, Вам, что когда симфония

исполнялась тут на пленуме, то переполненный зал буквально устроил мне овацию. Никогда раньше не имел я такого успеха. Вершители музыкальных судеб решили, однако, совершенно не посчитаться с критикой снизу, а произнесли свой обвинительный вердикт и решили окончательно угробить симфонию, чтобы я и не думал ее дорабатывать, а просто выкинул. Это называется товарищеская критика! Я заявил в письменной форме президиуму пленума (украинского), что начал обдумывать всю услышанную мной критику и собираюсь работать еще над этим произведением, и, несмотря на это заявление, вместо того, чтобы дать мне возможность спокойно поработать, началось настоящее избиение и расправа.

Генеральный секретарь⁴, с позволения сказать, берет здесь в Киеве пленку с более чем посредственной записью симфонии, сделанной во время пленума одним лицом для Музфонда, и, зная то, что здесь существует также и хорошая запись, сделанная Радиокomiteетом тоже на пленуме, демонстрирует кое-кому в Москве скверную запись, лишенную низких частот, шипящую и свистящую для того, чтобы, дополняя эту демонстрацию своими комментариями, обработать своих слушателей и создать у них ложное, даже отрицательное впечатление о симфонии. Когда узнал, что уважаемый секретарь повез в Москву эту бракованую запись, я послал ему вслед телеграмму, в которой категорически возражал против прослушивания симфонии в этом виде; Игорь Федорович тоже говорил с ним об этом от моего имени, но он, конечно, не стал хлопотать о получении из Киева хорошей записи, а предложил прокрутить там скверную запись, т[ак] к[ак] это более соответствовало его намерениям.

Когда судят преступника, ему все-таки дают защитника, да и он сам может себя защитить, а здесь, когда секретарь показывал эту свистящую запись моей злополучной симфонии, сопровождая ее злобной критикой, были одни прокуроры, защитников не было и не было меня, главного обвиняемого, который был поэтому лишен возможности хоть слово сказать в свою защиту. Чистая работа!

Я представлял себе, что привезу в Москву хорошую запись, ее прослушает симфоническая секция Союза и еще некоторые композиторы, я скажу, что собираюсь переделывать, выслушаю деловую, подлинно товарищескую критику, а вышло совсем не так.

У меня такое ощущение, как будто по этой злополучной партитуре «добрые люди» прошли в грязных галошах и заплевали, запачкали ее. Очень горький осадок от всего этого. Это называется критика товарищей!

Жду, не дожусь, когда меня вызовут в ЦК⁵. Вызовут обязательно, мне сказали.

Когда будет новое — напишу Вам сейчас же, а пока целую Вас крепко.

М. Ал. шлет Вам, Марии Робертовне пожелания всякого блага.

Ваш БЛятошинский.

---

¹ “Іван Сусанін” – опера М.І.Глінки. Її авторська назва – “Життя за царя” (1836). Твір став основоположником для історії російської оперної класики, поклавши початок напрямкові народної музичної драми. Характерний для драматургії опери метод конфліктного симфонічного розвитку ґрунтується на інтонаційному протиставленні образів російського народу і польської шляхти. Експозиція узагальненого образу поляків традиційно зветься “польським актом”. Під назвою “Іван Сусанін” з текстом С.М.Городецького опера відома з 1939 року.

² “Урочиста увертюра “1812 рік” (ор.49, 1880) П.І.Чайковського в авторському варіанті містила гімн “Боже, царя храни”. За радянських часів виконання монархічного гімну було несумісне з канонами комуністичної ідеології, тому цю тему замінили темою фінального хору опери М.І.Глінки “Іван Сусанін” “Слався”.

³ Р.М.Глієр дійсно мав намір написати Концерт для фортепіано з оркестром, але не встиг його здійснити. Щодо концерту для скрипки (ор. 100) – Глієр не встиг його дописати. Після смерті твір закінчив Б. Лятошинський як одночастинне “Концертне алегро” для скрипки.

⁴ Йдеться про Т.М.Хренникова, чия посада з 1948 по 1957 роки звалася “генеральний секретар правління Спілки композиторів СРСР”.

⁵ Б. Лятошинський написав листа до секретаря ЦК Компартії України Л.Г. Мельникова.